

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ • READING ROOM

Интервью • Interview

И. В. Лизунова, А. И. Веселов

«Мы – последний рубеж памяти»: интервью с А. Л. Посадсковым

Для цитирования: Лизунова И. В., Веселов А. И. «Мы – последний рубеж памяти»: интервью с А. Л. Посадсковым // Книга. Чтение. Медиасреда. 2025. Т. 3, № 4. С. 345–353. <https://doi.org/10.20913/BRM-3-4-1>.

Статья поступила в редакцию 15.12.2025
Получена после доработки 19.12.2025
Принята для публикации 12.02.2026

Лизунова Ирина Владимировна

Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения
Российской академии наук,
ул. Восход, 15, Новосибирск, 630102, Россия,
доктор исторических наук, главный научный сотрудник, директор
ORCID: 0000-0001-7761-9459
e-mail: lizunova@spsl.nsc.ru

Веселов Антон Игоревич

Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения
Российской академии наук,
ул. Восход, 15, Новосибирск, 630102, Россия,
заместитель директора по связям с общественностью
e-mail: veselov@spsl.nsc.ru

© И. В. Лизунова, А. И. Веселов, 2025

I. V. Lizunova, A. I. Veselov
**“We Are the Last Frontier of Memory”:
An Interview with A. L. Posadskov**

Lizunova Irina V.

State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Voskhod St., 15, Novosibirsk, 630102, Russia,
Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Director
ORCID: 0000-0001-7761-9459
e-mail: lizunova@spsl.nsc.ru

Veselov Anton I.

State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Voskhod St., 15, Novosibirsk, 630102, Russia,
Deputy Director of Public Relations
e-mail: veselov@spsl.nsc.ru

Citation: Lizunova I. V., Veselov A. I. “We Are the Last Frontier of Memory”: An Interview with
A. L. Posadskov // Book. Reading. Media. 2025. Vol. 3, No. 4. P. 345–353. <https://doi.org/10.20913/BRM-3-4-1>.

Received 15.12.2025

Revised 19.12.2025

Accepted 12.02.2026

Введение

Александр Леонидович Посадсков (1950–2024) – исследователь, чье имя навсегда вписано в историю российской гуманитарной науки. Его жизнь, целиком посвященная изучению книги как культурного феномена, стала мостом между эпохами – от советского времени до наших дней, а его наследие сформировало целое научное направление – сибирскую научную школу исторического книговедения.

Путь ученого начался в Новосибирском государственном университете, который он окончил с отличием в 1972 г. Его дипломная работа «Начало сибирского советского книгоиздания» под руководством В. Л. Соскина стала прологом к главной теме всей жизни. С этого же года судьба Александра Леонидовича была неразрывно связана с Государственной публичной научно-технической библиотекой СО РАН, куда он пришел по распределению. Уже в 1975 г. защита кандидатской диссертации обозначила А. Л. Посадскова как перспективного исследователя, а его ранние монографии «Сибирская книга и революция» (1977) и «Книжное дело в Сибири. 1919–1923 гг.» (1979) заложили прочный фундамент будущей научной школы.

Научная карьера Александра Леонидовича развивалась последовательно от редактора и младшего научного сотрудника до ведущего, а затем и главного научного сотрудника. В 1993 г. защита докторской диссертации в форме научного доклада утвердила его статус ведущего специалиста страны по истории книжного дела в Сибири советского периода.

Однако истинный масштаб его личности проявился в организаторском таланте. В 1988 г. он стал инициатором Всероссийской научной конференции «Макушинские чтения» – главного книговедческого форума Сибири, который он проводил на протяжении десятилетий (рис. 1). В 2002–2012 гг. ученый возглавлял лабораторию книговедения ГПНТБ СО РАН. Под его руководством защитились 1 доктор и 7 кандидатов наук, что свидетельствует о создании полноценной, жизнеспособной научной школы.

Научные достижения А. Л. Посадскова носят фундаментальный, энциклопедический характер. Он выступил инициатором, ответственным

Рис. 1. Выступление А. Л. Посадскова
на Макушинских чтениях в Барнауле, 2012 г.
Fig. 1. Speech by A. L. Posadskov at the Makushin
Readings in Barnaul, 2012

а

б

Рис. 2. а – Губернатор Новосибирской области А. А. Травников вручает А. Л. Посадскову почетную грамоту;
б – Почетный знак «Серебряная сигма»

Fig. 2. a – A. A. Travnikov, Governor of the Novosibirsk Region awards A. L. Posadskov with a certificate of honor;
b – the Silver Sigma honorary badge

редактором и ключевым автором шеститомного издания «Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока» (2000–2021). Этот труд впервые комплексно охватил более чем двухвековой период (1789–2017). Александр Леонидович руководил уникальным проектом по реконструкции уничтоженного 5-го тома Сибирской советской энциклопедии 1930-х гг., в результате которого было восстановлено и подготовлено к печати около 2 000 статей. Как основатель и руководитель редакционных советов научных серий «История Сибири в воспоминаниях и дневниках» и «Люди книжной культуры» он ввел в научный оборот сотни уникальных документов. А. Л. Посадсков также был членом редколлегий и автором разделов в «Энциклопедии Новосибирска», «Исторической энциклопедии Сибири» и энциклопедии «Книга». Более 500 научных публикаций, некоторые из них переведены на иностранные языки, – таков итог его исследовательского труда, заложившего методологическую основу изучения истории книги в восточных регионах России.

Общественная активность (политинформатор, профсоюзный активист, заседатель народного суда) сочеталась в нем с высочайшим профессиональным признанием. Он был удостоен почетных званий («Почетный работник науки и техники РФ», «Заслуженный ветеран СО РАН»), грамот (губернатора Новосибирской области, Российской академии наук, Профсоюза работников РАН, Российского книжного союза) и почетного знака Сибирского отделения РАН «Серебряная сигма» (рис. 2 а, б), а также стал дипломантом премии имени Д. С. Лихачева (2014).

Александр Леонидович Посадсков скончался 26 декабря 2024 года в Новосибирске. Символично,

что в год своего ухода он был награжден медалью «300 лет Российской академии наук» за выдающийся вклад в развитие науки. Александр Леонидович оставил после себя не просто труды, а целую научную школу и выстроенную им систему изучения книжной культуры Сибири. Его наследие – это живой организм, продолжающий развиваться и сохранять историко-культурную память огромного региона.

В своем последнем большом интервью классик сибирского книговедения рассказал о полувеке работы в ГПНТБ, о советской науке под колпаком цензуры, о директоре-физике, изменившем судьбу библиотеки, и о том, почему «домашние бумаги» важнее парадных монографий.

Часть первая. «Меня взяли, потому что я коллекционировал журнал „Крокодил“»

– Александр Леонидович, пятьдесят два года в одной организации – даже по меркам советской эпохи это невероятно. Как вы попали в ГПНТБ СО АН СССР?

– В 1972 г. не было свободного распределения. Мой научный руководитель, известный историк Варлен Львович Соскин¹, знал о моих интересах – я с юности собирал сатирические журналы, карикатуры. У меня была, наверное, одна из лучших в стране коллекций «Крокодила» и другой сатирической периодики. Родители выписывали «Крокодил» с 1960 г., я ходил по букинистическим магазинам Новосибирска, выискивал раритеты

¹ Варлен Львович Соскин (1925–2021), доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (1997), ветеран Великой Отечественной войны, специалист по социальной истории советской культуры и интеллигенции России.

1920–1930-х гг. Соскин договорился с директором ГПНТБ Николаем Семеновичем Карташовым², который хотел развивать научное направление в библиотеке. Так что меня взяли не случайно – потому что видели человека с особым интересом к материальной культуре печати (рис. 3).

Рис. 3. В первые годы работы в ГПНТБ СО АН СССР
Fig. 3. The first years at the SPSTL SB AS USSR

– Вы пришли в научно-техническую библиотеку как историк. Что вас здесь ждало?

– Я пришел на абсолютно пустое место в научном смысле. Библиотека тогда хотя и входила в систему Академии наук, была учреждением сугубо прикладным. Ее главными документами были инструкции «Путь книги» и «Путь читательского требования» – пошаговые регламенты обработки литературы и работы с посетителем. Академических исследований здесь не вели. Был, конечно, сектор редких книг под началом Елены Дергачевой³ – специалиста в области древнерусской литературы и археографии, – но там занимались древними фолиантами. А история книги XX в., да еще в Сибири, история, переплетенная с политикой, экономикой, идеологией, – это была *terra incognita*. Я стал первым, кто на это отважился.

² Николай Семенович Карташов (1928–2011), выдающийся библиотековед, доктор педагогических наук, профессор.

³ Елена Ивановна Дергачёва-Скоп (1937–2022), литературовед, доктор филологических наук, профессор. 19 октября 2023 г. ее имя было присвоено Древлехранилищу отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН.

– Ваша должность называлась «редактор научно-методического отдела». Чем вы занимались на деле?

– Название было формальным. Такой штатной единицей могли обозначить и библиотекаря, и методиста. Но мне действительно пришлось редактировать – исторический момент совпал. Как раз в начале 1970-х гг. библиотека с огромным трудом выбила себе право издавать собственные научные труды и – что было еще фантастичнее – иметь множительную технику. В условиях тотальной цензуры даже академическому учреждению не всегда разрешали иметь копировальную аппаратуру: пирографы, электрографию, прообразы будущих ксероксов. Это было знаком высочайшего доверия со стороны системы. И на этом фоне меня посадили редактировать первые сборники по истории книги и библиотечного дела в Сибири.

– Ситуация осложнилась в 1970 г. смертью Якова Ханинсона, который начинал эти исследования.

– Да, это была большая потеря. Ханинсон⁴ был первым ученым секретарем ГПНТБ, энтузиастом, который составил первые координационные планы изучения истории книги в регионе. Он умер неожиданно, в 50 лет. Планы остались, а человека, который бы их реализовывал, не стало. Директор Карташов согласился, что работу нужно продолжать. Так я по факту стал преемником. С 1975 г. уже сам формировал пятилетние планы научной работы, подписывал их, отвечал за выпуск сборников. Хотя формально руководителем не был – просто вел этот процесс.

– Вам, 21-летнему редактору, приходилось править тексты маститых, пожилых краеведов. Как вас воспринимали?

– Это сейчас кажется курьезом. Сидит молодой человек, а к нему в кабинет заходит 70-летний Петр Дмитриевич Войтик⁵ – легенда сибирского краеведения, автор десятков работ. И этот молодой человек начинает говорить: «Здесь, Петр Дмитриевич, аргументация слабовата, а здесь источник не раскрыт». Автор сидел, мрачно кивал – наверное, думал, что слушает наставления от какого-то выскочки. Но требования к академическим сборникам были жесткими, и мне приходилось их соблюдать. Через такое, порой унижительное для авторов, общение и формировалась моя научная школа – школа строгого следования источнику.

⁴ Яков Герцелевич Ханинсон (1920–1970), библиограф, библиотечный деятель, краевед, исследователь истории сибирской книги.

⁵ Петр Дмитриевич Войтик (1909–1991), кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой педагогики Горно-Алтайского педагогического института, краевед.

– Почему из всех исторических дисциплин вы выбрали именно книговедение?

– Это был сознательный уход от тотальной идеологизации. В 1970-е гг. нас, историков, готовили как «широкопрофильных специалистов», что на деле означало обязательное ритуальное цитирование классиков марксизма-ленинизма, решений съездов КПСС. Любая статья должна была начинаться со слов «Владимир Ильич Ленин учил...» или «Как указал XXV съезд КПСС...». Меня от этого физически тошнило. А когда я, готовя диплом, стал читать книговедческие сборники – «Книга. Исследования и материалы», «Книжная торговля», – я увидел другую атмосферу. Там были нормальные научные статьи, без иступленного поклонения партийным идолам. Книга существовала и до революции, и после – она оказалась той нишей, где еще можно было сохранить академический язык и относительную свободу мысли. Меня потянуло к истории книги в Сибири XX в. – к тому, как в горниле революции и гражданской войны рождалась советская система книгоиздания (рис. 4).

Рис. 4. В командировке вместе с супругой
Т. К. Башировой (стоят), 1970-е гг.
Fig. 4. On a business trip with his wife
T. K. Bashirova (standing), 1970s

– Материалы для таких исследований были?

– Были, и в изобилии! Архивы ликвидированных издательств, гигантские подшивки газет 1920-х гг. – настоящие талмуды, в которых отражалась вся сложность эпохи. Можно было подойти к теме с филологической стороны, изучая содержание

текстов, или с науковедческой – анализируя научную книгу. Но мы с моим научным руководителем Соскиным выбрали третий путь. Нас интересовала именно система: как создавалась инфраструктура книжного дела (издательства, полиграфия, книжная торговля, библиотеки), как в годы военного коммунизма шло бесплатное распределение литературы, как начался НЭП⁶. На этом и строилась моя кандидатская диссертация, защищенная в 1975 г.

– Как вам удалось издать монографии в престижном академическом издательстве «Наука»?

– Это было ключевое преимущество работы в ГПНТБ. Библиотека как учреждение Сибирского отделения Академии наук имела право заказывать издания в своем же издательстве. Человек со стороны, даже гениальный, такой возможности был лишен. Я этим воспользовался сполна: в 1977 и 1979 гг. в издательстве «Наука» вышли две мои монографии по итогам диссертации. Вторая книга, «Книжное дело в Сибири. 1919–1923 гг.», была посвящена периоду военного коммунизма и перехода к НЭПу. Но в библиографическом приложении оказались упоминания участников Белого движения, косвенные отсылки к репрессиям. Тираж почти сразу положили в спецхран⁷, он стал библиографической редкостью. Это был суровый урок: правду исследовать можно было, но публиковать – далеко не всегда⁸.

Часть вторая. «Ждать перестройки пришлось десять лет»

– Эта история с «закрытой» монографией вас сломала?

– Нет, но вогнала в состояние глубокой неопределенности на целое десятилетие. В конце 1970-х гг. мне говорили: «Александр, тебе рукой подать до докторской. Возьми, добавь материал, обобщи – и вот ты уже доктор наук». Но я отлично видел, что тему кандидатской я исчерпал, а расширять хронологию в глубь 1930-х гг. было смертельно опасно. Писать о репрессиях, гибели двух третей сибирских книгоиздателей в годы большого террора, разгроме редакции Сибирской советской энциклопедии в 1937 г. было нельзя. Перед исследователем стоял чудовищный выбор: либо писать честно, но навсегда остаться «в столе», либо становиться официозным конъюнктурщиком, льющим воду на партийную мельницу. Я выбрал

⁶ НЭП – новая экономическая политика. Проводилась в СССР в 1920-х гг.

⁷ Спецхран – отдел специального хранения. В СССР специальный отдел в библиотеках, доступ к которому был ограничен, так как в нем содержались издания, ознакомление с которыми широкой публики считалось нежелательным по идеологическим соображениям.

⁸ Подробности о судьбе этого издания см. в статье С. А. Дианова в этом номере.

третье – сознательно затормозил и стал ждать. Ждал изменений в стране. И дождался перестройки.

– В 1980 г. в библиотеку пришел новый директор – Борис Степанович Елепов⁹. Это стало переломом?

– Абсолютным. Предыдущий директор, Николай Семенович Карташов, в 1979 г. был назначен директором Государственной библиотеки имени Ленина в Москве – головной библиотеки страны. Это был невероятный престиж для сибиряка и для всего нашего учреждения. А к нам прислали Бориса Степановича Елепова – бывшего главного ученого секретаря Президиума СО АН, кандидата физико-математических наук. Это вызвало шок: все ждали маститого библиотековеда из столицы, а назначили ученого-физика.

– Как физик возглавил крупнейшую научную библиотеку за Уралом?

– Он сам позже, в узком кругу, рассказывал эту почти анекдотическую историю. Июль 1979 г., глухая отпускная пора. Елепов, как главный ученый секретарь, дежурил в почти пустом здании Президиума. Раздается телефонный звонок. Голос в трубке: «Будьте добры, позовите академика Марчука»¹⁰. – «Гурий Иванович в отпуске, в Крыму». – «Тогда академика Трофимука»¹¹. – «И он в отпуске, кажется, в Болгарии». Тогда собеседник назвал еще пару фамилий, все отсутствовали. И представился: «С вами говорит секретарь ЦК КПСС Михаил Андреевич Суслов»¹². А вы кто?» Елепов назвал. «А, помню вас», – сказал Суслов, что было крайне удивительно. Через полчаса перезвонил взволнованный Марчук: «Срочно собирай президиум! Мне приказали явиться в Москву и возглавить Госкомитет по науке и технике. Решение Политбюро». На прощанье Марчук предложил Елепову: «Поедешь со мной?» Тот ответил: «Нет, я там затеряюсь». Тогда Марчук предложил ему на выбор несколько вакансий в Сибири, среди которых был пост директора ГПНТБ, пустовавший уже полгода. Елепов выбрал библиотеку. Видимо, вспомнил, как за два года до того присутствовал здесь на пышном праздновании 60-летия ГПНТБ – масштаб здания и работы его впечатлили.

– Каким он предстал перед коллективом?

– Он пришел на первое собрание не в парадном костюме, а в модном тогда кожаном пиджаке – это был немой вызов чопорным корпоративным нормам Карташовской эпохи. Помню, как сам Карташов однажды отчитал меня за то, что я в джинсах встречал московскую делегацию. А тут – сам директор в кожанке. Он сказал прямым текстом: «Я в вашем деле ничего не понимаю. Буду учиться. Прошу меня учить и помогать». И начал учиться, вызывая к себе сотрудников лаконичными записками на бланке директора: «Прошу зайти. Б. Елепов». Без указания времени, без давления – по-деловому, но с уважением.

– И именно Елепов предложил вам грандиозный проект многотомной истории сибирской книги?

– Да, через некоторое время после его прихода я получил такую записку. В кабинете он сказал: «Слушайте, Посадсков, вы все топчетесь на одном месте. Нужна масштабная, комплексная работа – коллективная монография по истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока от начала книгопечатания до современности. Одному вам это никогда не поднять. Давайте готовить кадры. Будем целенаправленно набирать аспирантов, делить хронологию на периоды, территорию – на регионы». Я вышел от него в состоянии легкого ступора. Но потом, обдумав, понял: он абсолютно прав. Так родился замысел многотомных «Очерков истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока» (рис. 5). Мы начали с аспирантуры, привлекли талантливых исследователей вроде Сергея Пайчадзе¹³. Работа кипела с середины 1980-х до начала 2000-х гг. Мы сделали этот проект нашим флагманом, говорили коллегам по всему

Рис. 5. Шесть томов «Очерков истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока»

Fig. 5. Six volumes of *Ocherki Istorii Knizhnoy Kul'tury Sibiri i Dal'nego Vostoka* (Essays on the History of Book Culture in Siberia and the Far East)

⁹ Елепов Борис Степанович (1942–2016), математик, ученый в области информатизации науки.

¹⁰ Гурий Иванович Марчук (1925–2013), ученый в области вычислительной математики, физики атмосферы и геофизики, академик АН СССР.

¹¹ Андрей Алексеевич Трофимук (1911–1999), ученый в области геологии и разведки нефтяных и газовых месторождений, академик АН СССР.

¹² Михаил Андреевич Суслов (1902–1982), партийный и государственный деятель.

¹³ Сергей Антонович Пайчадзе (1936–2007), историк и книговед, кандидат филологических наук, доктор исторических наук, профессор.

региону: «У нас будет издание, которого ни у кого нет. У нас будут разделы по национальной книге. Присоединяйтесь, публикуйтесь у нас». И люди ехали из Бурятии, Якутии, с Дальнего Востока.

– Елепов оказался гениальным организатором. Что он успел сделать?

– Он был стратегом, видевшим библиотеку как живой организм. Первым делом взял курс на **омоложение кадров** – «библиотечный десант»: выписал десяток молодых специалистов из Ленинградского и Московского институтов культуры. Многие не прижились, но те, кто остался, – как Елена Артемьева¹⁴, будущий доктор наук и профессор, – стали костяком. Во-вторых, он начал **автоматизацию** в начале 1980-х гг., когда про персональные компьютеры в СССР только слышали. Создал отдел автоматизации, закупал эти громоздкие «чемоданы с экраном», учил людей на них работать. В-третьих, он **реформировал научную работу**, преобразовав методический отдел в отдел научной и методической работы (ОНИМР). Но его главное, титаническое достижение – **создание диссертационного совета**. При нем в ГПНТБ защитились 92 кандидата наук! Он не боялся

растить кадры сильнее себя, делегировал полномочия, раскрывал таланты. Из рядовой, хоть и крупной, библиотеки ГПНТБ превратилась в мощный **научно-исследовательский институт** с направлениями от библиотечных ресурсов региона до фундаментального книговедения.

Часть третья. «Эпоха, когда можно было дышать»

– Лаборатория книговедения – тоже его детище?

– Безусловно. И это показательно: не лаборатория библиотекведения, а именно книговедения – фундаментальной науки о книге как явлении культуры. Он поддержал эту идею в 1987 г., хотя сам был «технарем». Поставил заведующей Людмилу Казаринову¹⁵, филолога по образованию, до того руководившую редакционно-издательским отделом. Это была уже эпоха перестройки, можно было дышать свободнее, браться за сложные, запретные ранее темы. Лаборатория стала настоящей кузницей кадров: сегодня практически все ее сотрудники – кандидаты и доктора наук. Это один из лучших научных коллективов страны в своей области (рис. 6).

Рис. 6. Сотрудники лаборатории книговедения, 2010 г. Слева направо в первом ряду: Е. Н. Савенко, В. Н. Волкова, И. А. Гузнер (ученый секретарь ГПНТБ СО РАН), И. В. Лизунова, во втором ряду: А. Л. Посадсков, Н. С. Матвеева, И. С. Трояк, Н. В. Вишнякова, В. А. Эрлих, Н. К. Чернышова, С. Н. Лютов

Fig. 6. Staff members of the Book Studies Laboratory, 2010. From left to right, first row: E. N. Savenko, V. N. Volkova, I. A. Guzner (Academic Secretary at the SPSTL SB RAS), I. V. Lizunova; second row: A. L. Posadskov, N. S. Matveyeva, I. S. Troyak, N. V. Vishnyakova, V. A. Erlich, N. K. Chernyshova, S. N. Lyutov

¹⁴ Елена Борисовна Артемьева, заведующая отделом научно-исследовательской и методической работы ГПНТБ СО РАН, главный редактор научного журнала «Труды ГПНТБ СО РАН».

¹⁵ Людмила Федоровна Казаринова, кандидат филологических наук, исследователь ведомственных книгоиздательских практик в Сибири в советский период.

– Ваша собственная научная жизнь после 1991 г. кардинально изменилась?

– Открылись архивы, сняты идеологические шоры. Можно было наконец профессионально изучать и Белое движение, и репрессии, и феномен самиздата. Мы с коллегами завершили и издали пять томов «Очерков истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока...», охвативших период с 1789 по 1991 г.¹⁶ Сразу начали работу над шестым томом – о постсоветском периоде. Возглавили уникальный грантовый проект по реконструкции уничтоженного пятого тома Сибирской советской энциклопедии 1930-х гг. Восстановили около 2 000 статей, включая те, что были вымараны цензурой, создали электронную версию. Запустили научную серию «История Сибири в воспоминаниях и дневниках»¹⁷, вводя в оборот бесценные эго-документы. Наука, наконец, стала тем, чем и должна быть – сферой свободного поиска истины.

– Вы часто говорите, что «сидите на информационных мешках с золотом». Что это за золото сегодня?

– Это наши фонды, архивы, коллекции, собранные за полвека кропотливой работы. Мы – не просто хранители, мы обязаны это золото пускать в дело. Один из наших самых амбициозных проектов – «Сибирский биографический словарь». Не энциклопедия, а именно словарь в традициях дореволюционных русских биографических сборников, куда войдут знаковые, но подчас забытые фигуры региона от первых землепроходцев до современных ученых и деятелей культуры.

Другой масштабный проект – сводный путеводитель по неопубликованным эго-документам (воспоминания, дневники, переписка) в архивах России, прежде всего сибирских. Это голоса не только генералов и политиков, но и ученых, инженеров, учителей, простых людей. Это история, написанная изнутри, без лакировки (рис. 7).

– Вы также пристально собираете материалы по новейшей истории, 1990–2000-х гг. Многие коллеги считают это макулатурой.

– И мне не раз говорили: «Александр Леонидович, зачем вы тащите в фонд эти листочки, газетенки, рекламные проспекты, сам- и тамиздат? Это же не наука!» А я отвечал и отвечаю: «Дорогие мои, вы – и есть история. Через 50 лет ваши домашние бумаги, квитанции, письма, даже счета станут бесценным источником для историка повседневности, социолога, лингвиста». Если мы, профессионалы, не будем целенаправленно собирать сегодняшний день, завтра о нем будет нечего сказать. Мы – последний рубеж памяти. Архивы многих издательств 1990-х гг. были просто выброшены на помойку при ликвидации. Наша миссия – сохранить эту хрупкую, противоречивую, живую память эпохи.

Часть четвертая. Наследие и долг

– В чем, на ваш взгляд, главное наследие Бориса Елепова? А ваше личное?

– Елепов создал систему, которая пережила его самого. Он заложил традиции научного поиска, кадрового роста, технологической смелости.

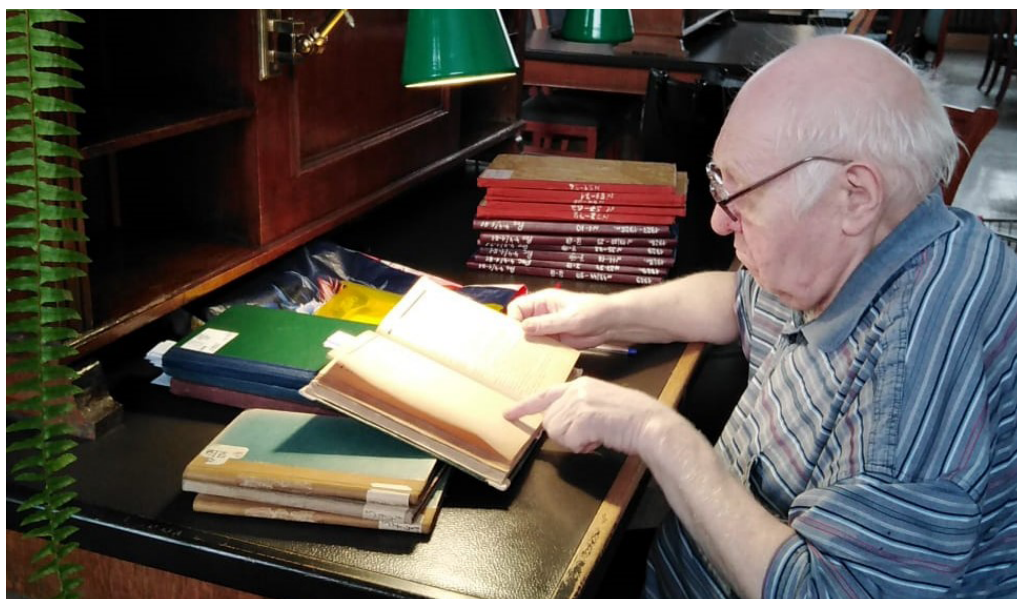

Рис. 7. А. Л. Посадсков в библиотеке
Fig. 7. A. L. Posadskov in the library

¹⁶ Работа началась в 2000 г.

¹⁷ Серия книг, изданная ГПНТБ СО РАН.

Рис. 8. А. Л. Посадсков и директор ГПНТБ СО РАН И. В. Лизунова во время мероприятий, посвященных 105-летию ГПНТБ СО РАН, 2023 г.
Fig. 8. A. L. Posadskov and I. V. Lizunova, Director of the SPSTL SB RAS during events dedicated to the 105th anniversary of the SPSTL SB RAS, 2023

Он доказал, что библиотека может и должна быть не просто хранилищем, но и генератором нового знания, интеллектуальным хабом. Мое же наследие – это, надеюсь, созданная научная школа. Восемь моих учеников стали кандидатами и докторами наук. Лаборатория книговедения – признанный центр. И, возможно, самое важное – утвердившееся понимание, что история книги – это не второстепенная, «вспомогательная» дисциплина. Это срез истории общества, его идей, страхов, надежд, менталитета. Сохраняя материальную культуру книги, мы сохраняем дух времени.

– Что для вас, прошедшего путь от редактора под колпаком цензуры до признанного классика науки, означает сегодняшняя свобода исследования?

– Это прежде всего ответственность. Ответственность за право задавать любые вопросы и искать на них честные ответы, не подгоняя факты под заранее заданные схемы. Ответственность перед теми, кто не смог сказать правду тогда, в 1930-е или 1970-е гг. И ответственность перед теми, кто будет читать нас завтра. Мы – мост

между эпохами. Наша задача – чтобы этот мост был построен не на песке идеологии или конъюнктуры, а на твердом, проверенном камне фактов, документов, свидетельств. В этом и состоит долг ученого. И в этом, я уверен, заключается высший смысл нашей работы в этих стенах, которая продолжается уже более полувека (рис. 8).

*Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The authors have read and approved the final version of the manuscript.*

И. В. Лизунова является главным редактором журнала «Книга. Чтение. Медиасреда», но не имеет никакого отношения к решению редколлегии опубликовать эту статью. Об иных конфликтах интересов авторы не заявляли.

I. V. Lizunova is an Editor-in-Chief of the journal Book. Reading. Media, but she is not involved in the editorial board's decision to publish this article. The authors declared no potential conflicts of interest.